Дата поступления рукописи в редакцию: 21.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-293-298

ТОРБИН Юрий Григорьевич,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Заслуженный юрист Российской Федерации,
e-mail: torbinug@rambler.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *Стремительное развитие и внедрение цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта во всех сферах общественных отношений ставят под вопрос применимость традиционных средств уголовно-процессуального доказывания и оценки доказательств, в частности. В связи с чем возникает потребность в дополнительном доктринальном осмыслении указанных положений уголовно-процессуального законодательства России с целью выработки научно-обоснованной позиции относительно применимости существующих критериев оценки доказательств и необходимости их совершенствования. В рамках настоящей статьи также рассматриваются проблемы «черного ящика» технологий искусственного интеллекта, не позволяющие выявить логику и закономерности, являющиеся основой для принятия решений, и особенности оценки цифровых доказательств, верификация которых требует обеспечения их прослеживаемости и целостности на всем протяжении производства по уголовному делу.*

Ключевые слова: *цифровизация уголовного судопроизводства, уголовный процесс, доказывание, оценка доказательств, цифровые доказательства, искусственный интеллект.*

TORBIN Yuri G.,
Doctor of Law, Professor in the Department of Criminal Procedure and Forensic Science at the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honored Lawyer of the Russian Federation

TRANSFORMATION OF EVIDENCE ASSESSMENT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *The rapid development and implementation of digital and artificial intelligence technologies in all areas of public relations is challenging the applicability of traditional methods of proving and evaluating evidence in criminal proceedings. This necessitates further doctrinal analysis of these provisions of Russian criminal procedure legislation in order to develop a scientifically sound position regarding the applicability of existing criteria for evaluating evidence and the need for their improvement. This article examines the "black box" nature of artificial intelligence technologies, which prevents the identification of the logic and patterns that underlie decision-making, as well as the specifics of evaluating digital evidence, the verification of which requires ensuring its traceability and integrity throughout criminal proceedings.*

Key words: *digitalization of criminal proceedings, criminal procedure, proof, evidence assessment, digital evidence, artificial intelligence.*

Введение

Современное общество характеризуется активным внедрением цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта во всех сферах общественных отношений, что объективно ставит под вопрос применимость традиционных средств уголовно-процессуального доказывания, которые прямо не предусматривают ни регулирования цифровых доказательств и правил их оценки, ни возможности применения технологий искусственного интеллекта в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Одновременно с этим число киберпреступлений в 2025 году по данным МВД России [17] и Генеральной прокуратуры Российской Федерации [18] составило 650 тысяч преступлений, что создает обоснованную необходимость в дополнительной доктринальной проработке положений института оценки доказательств, поскольку в таких ситуациях основную роль играют именно цифровая информация, которая в последующем признается доказательствами, а результат оценки доказательств становится основой для принятия всех процессуальных решений, что в свою очередь оказывает влияние на качество отправляемого правосудия и достижение назначения уголовного судопроизводства.

Актуальность рассматриваемого вопроса также находит свое отражение в нормативных правовых актах, принимаемых в целях введения регулирования цифровых технологий [19], а также международных соглашениях, стороной которых является Российская Федерация [20].

Ключевой проблемой, рассматриваемой в настоящем исследовании, является отсутствие в действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) специальных норм, посвященных цифровым доказательствам, их оценке и возможности применения технологий искусственного интеллекта, правил и пределов его применения. Разрешение поставленного вопроса необходимо осуществлять посредством проведения комплексного научно-практического исследования, результаты которого, как нам представляется, и правоприменителям, и законодателю определить оптимальную форму решения рассматриваемой проблемы.

Основная часть

В современной доктрине уголовного процесса вопросы особенностей применения в целях доказывания цифровых доказательств и перспектив внедрения технологий искусственного интеллекта (далее также – ИИ) в систему уголовно-процессуальной деятельности являются одними из наиболее обсуждаемых.

Данное обстоятельство объясняется разночтениями, содержащимися в позиции ученых. Так, некоторые авторы считают, что действующий УПК РФ не нуждается во внесении каких-либо изменений в связи с появлением новых видов доказательств, поскольку действующие нормы способны гармонично интегрировать цифровые доказательства в существующую систему уголовно-процессуального доказывания [1, с. 325; 2, с. 166].

Другая группа ученых придерживается иной позиции, предполагающих выделение цифровых доказательств в самостоятельную категорию, поскольку их характеристики и особенности не позволяют полноценно соотнести такие доказательства с традиционными категориями. При этом данная позиция получила свое отражение еще в начале 2000-х годов в трудах К.Б. Калиновского, который отмечал, что: «электронная информация стала широко использоваться во всех областях человеческой жизни, в том числе и криминальной» [3, с. 18]. Аналогичной позиции придерживается и С.В. Власова, которая отмечает, что: «информационные преступления оставляют информационные следы» [4, с. 15].

В контексте же применения технологий искусственного интеллекта научная дискуссия концентрируется вокруг вопросов пределов и перспективных направлений применения ИИ. При этом отдельные ученые справедливо подчеркивают принципиальную недопустимость применения ИИ для принятия процессуальных решений без руководящей роли человека [5, с. 65].

Рассмотрение указанных проблем требует раскрытия содержания действующего уголовно-процессуального регулирования, вокруг применения которого и сосредоточена основная масса вопросов. Так, ключевыми положениями УПК РФ, регулирующими институт оценки доказательств, являются ст. 17 УПК РФ, в которой закрепляется принцип свободы оценки доказательств и ст. 88 УПК РФ, регулирующая правила оценки доказательств и устанавливающая относимость, допустимость, достоверность и, в своей совокупности, достаточность в качестве критериев оценки доказательств.

Однако данные нормы, как и иные положения УПК РФ не предусматривают выделения в самостоятельную категорию цифровых доказательств и, соответственно, не содержат особенностей их оценки, что также отмечается в трудах ряда ученых [6, с. 85; 7, с. 127; 8, с. 44], которые полагают, что отнесение цифровых доказательств к «иным документам» игнорирует их уникальную природу, которая принципиально отличается от традиционных доказательств.

В рамках настоящего исследования под цифровыми доказательствами понимаются сведения, признаваемые в качестве доказательства и имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, которые представлены в виде цифровых

файлов вне зависимости от формы представления или электронного носителя, на которые они записаны. Данное понимание цифровых доказательств позволяет учесть их особенности, поскольку процессуально значимым является именно содержание файла, а не его внешнее выражение (носитель информации). Аналогичной позиции придерживаются В.А. Новицкий [9, с. 216] и С.В. Калитин [10, с. 3587].

Для надлежащего правового оформления статуса цифровых доказательств необходимо внести соответствующие изменения в ст. 74 УПК РФ, за счет чего становится возможным в рамках корреспондирующих норм определить особенность цифровых доказательств как вида доказательств, включая многоресурсность и копируемость [11, с. 122], а также особенности их оценки.

В контексте оценки доказательств ключевыми рисками, связанными с цифровыми доказательствами, является их подверженность манипуляции, а также возможность различия их восприятия в зависимости от применяемого программного обеспечения. Так, М.А. Егорова отмечает риски скрытой компрометации, изменения и подмены цифрового доказательства аналогичным [12, с. 28]. В качестве подобной манипуляции могут служить случаи подмены идентификационного номера устройства сотовой связи (IMEI-номера), что позволят исказить сведения, получаемые при выгрузке детализации абонентских соединений в порядке ст. 186.1 УПК РФ.

Указанные риски с точки зрения правовой конструкции возможно минимизировать за счет введения дополнительных требований при оценке достоверности цифровых доказательств посредством фиксации расширенного количества сведений о них. Так, при первичном собирании предлагается фиксировать помимо внешне выраженных сведений (наименование файла, его тип и вес) также и метаданные цифрового доказательства, под которыми понимаются сведения, детально описывающие содержание, структуру, свойства и происхождение информации внутри цифрового доказательства. В частности, к метаданным, фиксация которых является целесообразной с точки зрения уголовного процесса, можно отнести следующие сведения:

Из фото- и видеоматериалов возможно извлечь сведения о камере, на которую осуществлялась съемка, ее разрешение, аппаратно-фиксируемые дата и время съемки, а также геометку в случае, если аппарат снабжен системой глобального позиционирования (GPS).

В текстовых электронных документах фиксируются сведения об авторе, наименовании его устройства, поддерживаемой для открытия файла программе, а также в отдельных случаях история правок.

Метаданные веб-страниц и баз данных содержат краткое описание самой страницы и ее элементов, основные каналы связи (сведения об API-шлюзе), лицензионные сведения о применяемом цифровом продукте, а также код встроенных функций и кэшированные (временно хранимые) данные.

Дополнительно при оценке цифровых доказательств необходимо учитывать особенность оценки их допустимости, которая заключаются в соблюдении установленных УПК РФ требований к обязательному участию специалиста при изъятии в ходе выемки или обыска любых электронных носителей информации.

Внедрение указанных положений в текст УПК РФ способно исключить складывающуюся в настоящее время правовую неопределенность относительно статуса и особенностей процессуальной деятельности, связанной с цифровыми доказательствами, что в свою очередь приведет к снижению количества допускаемых процессуальных ошибок и повышению качества отправляемого правосудия.

Другим значимым вызовом современной уголовной юстиции, обусловленным цифровизацией общества, является вопрос правил и пределов применения технологий искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной деятельности.

Легальное определение ИИ, приведенное в Федеральном законе от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», описывает искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. До момента принятия указанного Федерального закона ученые выражали аналогичную позицию относительно правовой сущности ИИ [13, с. 18-19; 14, с. 43].

Данное определение позволяет понять, что технологии искусственного интеллекта способы применяться практически во всех сферах деятельности человека. Однако уголовный процесс обладает специфическими требованиями, содержащимися в УПК РФ, которые хотя и не содержат прямого запрета или порядка применения ИИ, фактически устанавливают ключевые границы его применения.

Так, ст. 17 УПК РФ предписывает суду, прокурору, следователю, дознавателю и присяжным заседателям оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, а ст. 74 УПК РФ относит к компетенции указанных лиц, за ис-

ключением присяжных заседателей, определение наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию. Таким образом, при оценке доказательств решающее значение имеет решение суда, прокурора, следователя, дознавателя и присяжных заседателей, которое не может быть подменено результатом работы ИИ или иного алгоритма.

Одновременно с этим ст. 164 УПК РФ допускает применение технических средств в ходе следственных действий, а ст. 259 УПК РФ предусматривает применение технических средств для протоколирования хода судебного заседания. Смысл указанных статей позволяет прийти к очевидному выводу о возможности применения технологий искусственного интеллекта для автоматического перевода речевой информации в текстовый формат, что может быть полезно при расшифровке аудиозаписи допроса, судебного заседания, иных следственных и процессуальных действий, за счет чего возможно оптимизировать деятельность уполномоченных лиц.

Необходимо также отметить, что в соответствии со ст. 58 УПК РФ специалист вправе применять технические средства. Наиболее очевидным представляется применение ИИ переводчиком. Однако, в науке встречается мнение о том, что такое использование может использоваться только в исключительных случаях [15, с. 310].

Другим перспективным направлением применения технологий искусственного интеллекта являются направления технической проверки текста процессуальных документов в части орфографии и указания обязательных реквизитов и структурных элементов документов, а также поиск релевантных примеров судебно-следственной практики и научно-практических разъяснений.

Данные примеры обеспечивают проверяемость результата работы ИИ человеком, что является особенно важным в контексте проблемы «черного ящика», под которой понимается невозможность интерпретации и раскрытия логики работы ИИ и закономерностей, на основе которых было принято то или иное решение [16, с. 69].

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

Во-первых установлено, что действующее уголовно-процессуальное регулирование не содержит специального нормативного закрепления цифровых доказательств, что порождает правовую неопределенность при их использовании в процессуальной деятельности, включая оценку, а также не позволят отразить их отличия от классических видов доказательств, что создает предпосылки к неоднозначному пониманию как содержания цифровых доказательств, так и порядка взаимодействия с ними.

Для решения данной проблемы необходимо внести изменения в ст. 74 УПК РФ в части закрепления цифровых доказательств в качестве самостоятельного вида доказательств. Как нам представляется целесообразно определить особенности их оценки, заключающиеся в проверке целостности и аутентичности цифрового доказательства при оценке его достоверности с целью исключения возможности подмены или иной скрытой компрометации. Также необходимо отдельно указать на необходимость проверки соответствия требованиям к собиранию цифровых доказательств при оценке их допустимости.

Во-вторых, в контексте применения технологий искусственного интеллекта установлено, что определяющим показателем при их использовании является роль человека. Одновременно с этим внедрение ИИ в процессуальную деятельность участников уголовного судопроизводства может быть осуществлено в качестве вспомогательного инструмента при обязательной проверке и верификации результатов его деятельности лицом, осуществляющим его применение. Данная модель применения ИИ позволяет нивелировать проблему «черного ящика» и сохранить руководящую роль человека.

Таким образом, предлагаемое решение способно учесть особенности современных технологий, повысить качество отправляемого правосудия и снизить количество процессуальных ошибок, сохраняя при этом существующую структуру и основные характеристики уголовно-процессуальных правоотношений в условиях продолжающейся цифровизации уголовного судопроизводства.

Список литературы:

[1] Пастухов П.С. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и перспективы развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 60. С. 312-329.

[2] Россинский С.Б. Доказательства по уголовному делу: требуется ли вносить коррективы в статью 74 УПК РФ? // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. 26. № 2. С. 161-171.

[3] Калиновский К.Б., Маркелова Т.Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18-19.

[4] Власова С.В. К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9-18.

[5] Веревошников Е.А. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 1 (71). С. 59-67.

[6] Шарипова А.Р. Новые источники уголовно-процессуальных и иных судебных доказательств в цифровой реальности // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2023. № 1. С. 73-89.

[7] Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8. С. 118-128.

[8] Использование информации, содержащейся на электронных носителях, в уголовно-процессуальном доказывании : учебное пособие / Балашова А.А., Васюков В.Ф., Гаврилин Ю.В. [и др.] ; под ред. Ю.В. Гаврилина и А.В. Победкина. – Москва : Академия управления МВД России, 2021. 140 с.

[9] Оконенко Р.И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52). С. 120-124.

[10] Новицкий В.А., Новицкая Л.Ю. Понятие и виды цифровых доказательств // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1(55). С. 213-220.

[11] Калитин С.В. Доказательства электронные и цифровые // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 3586-3590.

[12] Егорова М.А. Проблема доверия суда к доказательствам, полученным с использованием современных цифровых технологий // Право и цифровая экономика. 2025. № 1. С. 27-34.

[13] Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2017. N 4. С. 17-27.

[14] Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. N 2. С. 43-49.

[15] Вилкова Т.Ю. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в условиях развития цифровых технологий // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 3А. С. 306-313.

[16] Алферов А.В., Кирьянова В.М. Проблема «черного ящика» искусственного интеллекта в гражданском и арбитражном процессе: между судебным усмотрением и технологическим детерминизмом // Вестник науки. 2025. № 12 (93). С. 61-72.

[17] МВД: число киберпреступлений в России снизилось на 12% // Коммерсантъ : информационный портал. 2026. 18 февр. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8442339 (дата обращения: 08.08.2026).

[18] Число IT-преступлений в России уменьшилось на 12% за 2025 год // Коммерсантъ : информационный портал. 2026. 9 февр. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8419685 (дата обращения: 08.08.2026).

[19] См.: Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[20] Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям: принята резолюцией Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 г. № 79/243 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Pastukhov P.S. Electronic evidence in criminal proceedings: legal regulation and development prospects // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2023. No. 60. S. 312-329.

[2] Rossinsky S.B. Evidence in a criminal case: is it required to make adjustments to Article 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation ? // Forensics: yesterday, today, tomorrow: Sat. scientific. tr. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. T. 26. № 2. S. 161-171.

[3] Kalinovsky K.B., Markelova T.Yu. Evidentiary value of "electronic" information in the Russian criminal process // Russian investigator. 2001. № 6. S. 18-19.

[4] Vlasova S.V. On the issue of adapting the criminal procedure mechanism to digital reality // Forensic Library. Scientific journal. 2018. № 1. S. 9-18.

[5] Verevoshnikov E.A. Prospects for the use of artificial intelligence technologies in criminal proceedings // Legal science and law enforcement practice. 2025. N 1 (71). S. 59-67.

[6] Sharipova A.R. New sources of criminal procedural and other judicial evidence in digital reality // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Right. 2023. № 1. S. 73-89.

[7] Voronin M.I. Features of the evaluation of electronic (digital) evidence // Actual problems of Russian law. 2021. T. 16. № 8. S. 118-128.

[8] The use of information contained on electronic media in criminal procedure evidence: a textbook/A.A. Balashova, V.F. Vasyukov, Yu.V. Gavrilin [et al.]; ed. Yu.V. Gavrilina and A.V. Pobedkina. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 140 s.

[9] Okonenko R.I. Electronic evidence as a new direction of improvement of Russian criminal procedure law // Actual problems of Russian law. 2015. № 3 (52). S. 120-124.

[10] Novitsky V.A., Novitskaya L.Yu. Concept and types of digital evidence // Leningrad Law Journal. 2019. № 1(55). S. 213-220.

[11] Kalitin S.V. Electronic and digital evidence // Scientific and methodological electronic journal "Concept." 2014. T. 20. S. 3586-3590.

[12] Egorova M.A. The problem of court confidence in evidence obtained using modern digital technologies // Law and the digital economy. 2025. № 1. S. 27-34.

[13] Sinelnikova V.N., Revinsky O.V. Rights to the results of artificial intelligence // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2017. N 4. S. 17-27.

[14] Bakhteev D.V. Artificial intelligence in forensics: state and prospects of use // Russian law: education, practice, science. 2018. N 2. S. 43-49.

[15] Vilkova T.Yu. Implementation of the principle of the language of criminal proceedings at the stages of initiating a criminal case and preliminary investigation in the context of the development of digital technologies // Issues of Russian and international law. 2019. VOL. 9. No. 3A. S. 306-313.

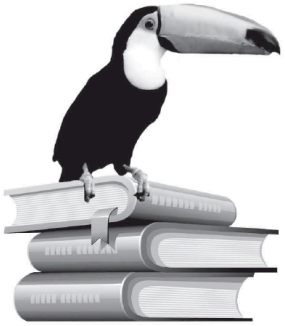
[16] Alferov A.V., Kiryanova V.M. The problem of the "black box" of artificial intelligence in civil and arbitration proceedings: between judicial discretion and technological determinism // Bulletin of Science. 2025. № 12 (93). S. 61-72.

[17] Ministry of Internal Affairs: the number of cybercrimes in Russia decreased by 12 % // Kommersant: information portal. 2026. Feb. 18 URL: https://www.kommersant.ru/doc/8442339 (access date: 08.08.2026).

[18] The number of IT crimes in Russia decreased by 12% in 2025 // Kommersant: information portal. 2026. Feb. 9 URL: https: //www.kommersant.ru/doc/8419685 (access date: 08.08.2026).

[19] See: Federal Law of 26.07.2026 No. 243-FZ "On Support for the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation "// SPS" ConsultantPlus"; Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation "// SPS" ConsultantPlus.".

[20] United Nations Convention against Cybercrime; strengthening international cooperation in combating certain crimes committed using information and communication systems and in the exchange of evidence in electronic form related to serious crimes: adopted by the General Assembly resolution of December 24, 2024 No. 79/243 // SPS Consultant Plus.



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru